

*Аните,
с любовью и нежностью*

Денек октябрьский золотой,
Уже созрел твой листопад.
Подует завтра ветер злой,
И листья облетят.

Роберт Фрост. Октябрь

Список иллюстраций

Рисунки

1. Л. Петухов. Да здравствует всемирный рабочий праздник 1 Мая 1917. Петроград. Открытка.
2. Е. Кругликова. Продам хлеб — куплю заем свободы. 1917. Петроград. Открытка.
3. «Макбет» Шекспира. 1918 г. Сцены построения спектакля в условиях цирковой арены.
4. Обложка книги П. М. Керженцева «Творческий театр».
5. Фидман В. Смольный. Из журнала «Красноармеец».
6. Афиша первого представления «Мистерии-буфф». 1919.
7. «Чистые» и «Нечистые». Эскизы костюмов к пьесе «Мистерия-буфф». 1919. Выполнены В. В. Маяковским.
8. Открытие памятника украинскому поэту Тарасу Шевченко. Петроград. 1918. Скульптор Я. Тильберг. Памятник Т. Г. Шевченко в Москве был возведен в рамках ленинского плана «монументальной пропаганды».
9. Вверху: Председатель Сов. Нар. Комм., тов. Зиновьев (стоит в автомобиле) говорит речь к матросам. Внизу: Моряки, слушающие тов. Зиновьева [альтернативный ракурс того же события].
10. Эмблема Передвижного Общедоступного театра. Петроград.
11. Амфитеатр. Каменный остров. Петроград.
12. Фрагмент плаката «Коси вовремя!». Стереотипный образ польского пана в агитационных плакатах Гражданской войны.
13. Большевики провозгласили себя наследниками Парижской коммуны, что иллюстрирует данный плакат с текстом: «Мертвецы Парижской коммуны воскресли под красным знаменем Советов!» В. Козлинский. Окна РОСТА. 1921.
14. Обложка журнала «Коммунистический Интернационал». 1919. № 1; Д. Моор. Плакат «Да здравствует III Интернационал!». 1921.

15. М. Лебедева. Блюдо «Интернационал». 1920. Изготовлено ко Второму конгрессу Третьего Интернационала.

16. Схема организации Дворцовой площади в Петрограде для постановки массового зрелища в ноябре 1920 года.

Иллюстрации

1. Изображение праздничного фейерверка в Москве в 1744 году. Гравюра XVIII в.

2. Горы на Марсовом поле в Петербурге. К. П. Бегтров. Литография с рисунка Сабат и Шифляра. 1825.

3. Бывший Мариинский дворец в Петрограде 7 ноября 1918 года.

4. Демонстрация на Красной площади в Москве 7 ноября 1918 года.

5. Эскиз праздничного украшения Охотного ряда. 1918. Москва.

6. Площадь Восстания в Петрограде 1 мая 1919 года. В центре трибуна, маскирующая памятник Александру III П. П. Трубецкого.

7. Б. Кустодиев. Праздник в честь открытия II Конгресса Коминтерна на площади Урицкого в Петрограде. 1921.

8. «К мировой Коммуне». Массовая инсценировка у здания биржи. Петроград. 1920.

9. В. Е. Татлин. Проект памятника III Интернационалу. 1919–1920.

10. Сцена из инсценировки на «красной» площадке (Массовая инсценировка «Взятие Зимнего дворца». Петроград. Ноябрь 1920 года).

11. Л. С. Попова, А. А. Веснин. Проект парада войск (Проект постановки театрализованного парада войск к конгрессу III Интернационала. Май 1921 г.).

Благодарности

В процессе работы над этой книгой я был тронут вниманием со стороны моих коллег. Изучение массовых праздников привело меня в новые и неожиданные области, в которых я зачастую практически не разбирался, и я безмерно признателен тем специалистам, которые оказали мне неоценимую поддержку и предоставили ценные консультации в самом начале пути. Выражаю особую благодарность Виктору Террасу, Сэму Дайверу и Патриции Арант, которые не только поддержали такой нестандартный выбор темы исследования, но и неизменно помогали в процессе работы. Также я хотел бы поблагодарить Альбина Конечного, Льюиса Зигельбаума, Линн Мэлли и Хубертуса Яна за их знания и опыт, которые позволили мне глубже разобраться в темах, ранее недостижимых для моего понимания. Отдельная благодарность Альме Лоу за возможность увидеть фильм о массовом действе, которое я много лет изучал лишь по печатным источникам. Ричард Стайтс оказывал неоценимую помощь на протяжении всего периода написания книги: от моральной поддержки и плодотворного обмена идеями до помощи с более прозаическими вопросами библиографии. Виктория Боннелл и другие, пожелавшие остаться неназванными, несколько раз терпеливо прочитали мою рукопись, что уже достойно восхищения, и предоставили мне всесторонние рекомендации и критические замечания — им моя особая благодарность за преданность делу и тактичность.

Значительную институциональную поддержку оказали Совет по международным исследованиям и обмену (IREX) и Министерство образования США в виде гранта программы Фулбрайта — Хейса, Центр советских и восточноевропейских исследо-

ваний¹ при Стэнфордском университете — в виде стипендии Фонда Эндрю В. Меллона, а также Центр российских и восточноевропейских исследований² при Иллинойском университете — в виде летнего гранта. Отдельная признательность моим российским коллегам, консультантам и всем остальным, пожелавшим остаться неназванными, кто оказал помощь в моем исследовании, особенно — сотрудникам Ленинградского государственного театрального института³, Ленинградской государственной Театральной библиотеки имени А. В. Луначарского⁴ и Театрального музея⁵.

Больше всего я благодарен своей жене, Аните, которой довелось перечитывать мою рукопись несчетное количество раз и которая неизменно давала ценные вдумчивые комментарии и даже мужественно выдержала целый год в России. Без ее участия эта книга никогда бы не вышла в свет. Я посвящаю ее Аните.

¹ В настоящее время — Центр российских, восточноевропейских и евразийских исследований. — *Примеч. ред.*

² См. сноску 1.

³ В настоящее время — Российский государственный институт сценических искусств. — *Примеч. ред.*

⁴ В настоящее время — Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. — *Примеч. ред.*

⁵ В настоящее время — Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. — *Примеч. ред.*

Введение

Память и опыт

В поисках точки опоры

Штурмующие занимают позиции. Приказы отдаются по телефону. На улицах — движение... *Стальным кольцом красногвардейских отрядов окружен Зимний дворец...* Парламентеры под белым флагом несут в Зимний дворец ультиматум с предложением капитуляции во избежание кровопролития. Ударница из женского батальона передает его в здание. Ожидание...

Агитаторы Смольного пробирались во внутрь Зимнего дворца к казачьей батарее. Они пробираются через подвалы Эрмитажа, вдоль электрических кабелей, поднимаются по лестницам, проходят по затейливым галереям с люстрами... Агитаторы добираются до казаков во внутреннем дворе и начинают переговоры, пытаясь склонить их на свою сторону... Матрос с галереи Зимнего дворца бросает гранату в юнкеров. Казачья артиллерия галопом покидает дворец, оставляя правительство. Ответа на ультиматум *по-прежнему нет.*

Парламентеры возвращаются из дворца и начинается стрельба... Крейсер «Аврора» открывает огонь по Зимнему дворцу. Городской голова Петрограда, возглавляющий буржуазный Комитет спасения, пересекает мост, чтобы переговорить с рабочими, но его задерживают пикеты матросов... Меньшевики все еще протестуют, пробивает полночь, и большевики бросают народные отряды на штурм Зимнего дворца. Начинается атака...

Отряды наводняют дворец... и вытесняют женский батальон, который сдается вместе с другими защитниками правительства... Министры арестованы в зале заседаний. К двум часам ночи... Временное правительство низвергнуто, и Ленин объявляет об этом [Dickinson 1948: 132–133].

Многие из нас знают о штурме Зимнего дворца по немому фильму С. М. Эйзенштейна «Октябрь» (1927)¹, краткое содержание которого приведено выше. Залп крейсера «Аврора» ознаменовал начало великого события, и его отзвуки прокатились по всему миру. Как только громогласное эхо затихло — свершилась революция. Несмотря на неточности, фильм остается чрезвычайно захватывающим, снятым с историческим размахом и наполненным драмой, что и по сей день будоражит воображение поколений. Однако сам исторический штурм вызвал некоторое разочарование, ибо, по сути, его не было: во дворце располагалось бессильное и неэффективное правительство, которое было арестовано на следующий день после прихода к власти большевиков. Эйзенштейна не было в Петрограде во время Октябрьской революции, поэтому, хоть он и приукрасил события, его нельзя строго судить за это. Напротив, он не умалил значения революции, а возвысил ее, поставил в центр и, по мнению многих современников, даже сделал ее более правдоподобной.

Вдохновением для создания фильма стало массовое представление, поставленное в честь третьей годовщины революции. Если С. М. Эйзенштейн и преувеличивал бои, то лишь потому, что в спектакле штурм был показан настолько захватывающе, насколько этого требовала история. Тысячи разъяренных красногвардейцев под предводительством Ленина, подхлестываемые веками угнетения, пересекли огромную площадь и взяли в свои руки судьбу, предначертанную им историей. В театральной реконструкции было задействовано больше солдат и больше боеприпасов, чем было на самом деле, а количество раненых, вероятно, было сопоставимо с реальными цифрами. Сто тысяч зрителей наблюдали за представлением с площади. Реконструкция сражения происходила ровно в полночь под светом прожекторов, в гораздо более эффектной обстановке, по сравнению с типичной

¹ Первоначальное название — «Десять дней, которые потрясли мир». Одним из источников сценария стала одноименная книга американского журналиста Джона Рида [Рид 2024]. Под этим названием фильм демонстрировался в США. — *Примеч. ред.*

петроградской слякотью и серостью первых часов нового дня, в которые разворачивался реальный штурм 1917 года.

Смелые, красочные и эффектные массовые инсценировки стали одной из ярких черт культуры русской революции, превратившись для многих современников в символ эпохи. Но почему власть инвестировала в эти мероприятия? Политики тратили драгоценное время на подготовку праздников и участие в них, а пресса активно их освещала, даже когда исход Гражданской войны² был под вопросом. Праздники считались настолько значимыми, что даже в условиях экономического кризиса на них выделялись значительные средства и рабочая сила. В разгар голода необходимое продовольствие раздавалось практически бесконтрольно, и в то время, как люди замерзали в холодных домах, древесина и топливо выделялись на праздничные декорации и создание парадных платформ. Что же сделало эти праздники столь запоминающимися? Революционеры, делегаты Коминтерна³, высокопоставленные иностранные лица и случайные прохожие — все они вспоминали эти торжества годы спустя. Страна переживала переломную эпоху: мировой войной расколот народ, 300-летнее правление династии Романовых свергнуто, Октябрьская революция и ее последствия — гражданская война — потрясли социальную, экономическую и политическую жизнь страны до основания. И все же праздники, казалось бы, малозначительные на фоне этих грандиозных событий, оставили свой след в памяти многих. Они часто производили такое сильное впечатление, что воспоминания о них вытесняли реальные события в памяти очевидцев, как это было, например, в случае со спектаклем на Дворцовой площади. Н. И. Подвойский, член «тройки, Военно-Революционного Комитета по руководству

² Гражданская война в России (1917–1922) — ряд вооруженных конфликтов между различными политическими, этническими, социальными группами и государственными образованиями на территории бывшей Российской империи. — *Примеч. ред.*

³ Коммунистический интернационал (Коминтерн, III Интернационал) — международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 годах. — *Примеч. ред.*

операциями против Зимнего дворца»⁴ в 1917 году, настолько проникся театральной версией событий, что спонсировал фильм Эйзенштейна 1927 года, а также перенес этот драматизм в свои мемуары. Этот энтузиазм служит иллюстрацией пластичности человеческой памяти.

Эта книга — рассказ о массовых празднествах и прочих торжествах революционной России 1917–1920 годов, а также об их влиянии на то, как люди пережили Октябрьскую революцию и какой ее запомнили. Опыт — это хаос порой противоречивых впечатлений, которые требуют упорядочивания и осмысления. Культура подсказывает, что считать реальным, что игнорировать и в каком порядке выстраивать события, формируя реальность. Революционные события 1917 года стали глубоким потрясением для российской политической культуры, дискредитировав при этом появившиеся альтернативы. Изжившая себя традиция рассматривать политическую власть и легитимность с позиции религии, родословных и верноподданства была уничтожена. Демократический язык, порожденный Февральской революцией, показал свою несостоятельность в условиях голода, беспорядков и продолжающейся войны. Марксистская терминология, в свою очередь, оставалась непонятной и чуждой для большинства населения. Массовые празднества стали средством заполнения образовавшегося вакуума в общественном обсуждении. В массовых постановках разыгрывалась история революции. Эти мероприятия предоставляли возможность изучать как недавние события, так и далекие исторические эпохи, формируя историю с наиболее выгодной перспективы. Это позволяло подчеркнуть привлекательные аспекты большевистского восстания и воплотить историческое видение, лежавшее в его основе.

Большевикам повезло, хотя они не всегда это осознавали, что их поддерживали одни из самых талантливых творцов столетия. Празднества часто превращались в настоящее торжество эсте-

⁴ Н. Подвойский. Взятие Зимнего // Известия. 1927. № 255. 5 ноября. С. 6. См. фото тройки ВРК, в которую, помимо Подвойского, входили В. А. Антонов-Овсенко и Г. И. Чудновский, и ниже кадр из фильма Эйзенштейна «Октябрь». — *Примеч. ред.*

тики. Целые города становились живописными полотнами: Марк Шагал расписал фасады зданий в Витебске, Натан Альтман украсил площадь Урицкого (бывшую Дворцовую площадь) в Петрограде. Театральные режиссеры при участии десятков тысяч актеров разворачивали массовые представления на масштабных городских пространствах; кульминацией стала инсценировка перед Зимним дворцом в 1920 году. Массовые празднества позволили воплотить самые смелые задумки мастеров: у них было доверие власти, почти неограниченные ресурсы и публика, которая насчитывала порой сто тысяч человек. Искусство вновь стало важным, и творцы с присущим им энтузиазмом и креативностью приняли вызов.

В свое время эти представления вызвали значительный исследовательский интерес, который привел как к удачным, так и к менее удачным результатам. Нам повезло, что сохранились свидетельства многих очевидцев, которые создают объемное представление о том, как создавались постановки и как их воспринимали. Однако эти пылкие критики зачастую сами участвовали в процессе как режиссеры, что делало их наблюдения субъективными. Подробные описания часто были предвзятыми из-за личных взглядов и эстетических предпочтений, на которые нередко влияли политические мотивы. Хотя постановки подавались как отражение мнения народа, описания зрительской реакции чаще отражали вкусы самих комментаторов, а не публики. Это делает работы редких беспристрастных наблюдателей, таких как венгерский журналист Р. Фюлöp-Миллер, особенно ценными.

Беспристрастный анализ почти никогда не был целью критиков времен Октябрьской революции. Тем не менее почти все — формалисты, марксисты, защитники пролетарской культуры, социологи-материалисты, утонченные эстеты и деятели культуры, даже иностранные гости — находили массовые празднества и зрелища достойными внимания. Эти торжества производили впечатление на всех, включая самых взыскательных. Одни из лучших критиков, работавших в ленинградском Государственном институте истории искусств (ГИИИ), опубликовали серию содержательных монографий о массовых празднествах, которые до

сих пор остаются одними из лучших источников по этой теме [Рафалович 1933; Массовые празднества 1926]⁵. Обладая широкой эрудицией, они проследили истоки массовых представлений и праздников вплоть до эпохи Возрождения, Средневековья и Античности. Хотя они рассматривали Октябрьскую революцию как начало новой эпохи, они не считали ее уникальной в мировой истории и исследовали параллели во всех цивилизациях. Возможно, ввиду политических воззрений они оставили без внимания два важных прецедента — торжества русских династий и народные празднества. Они также нередко находили в древних праздниках классовое сознание, которого там не было. Однако их знания и кругозор позволили понять, почему мы отмечаем праздники и каким образом они формируют культуру. Важно отметить, что критики расширили понятие театра, включив в него такие перформативные элементы, как ритуалы, игры, парады и демонстрации. Многие из них, в частности А. И. Пиотровский, молодой поэт, переводчик, драматург и режиссер, сами были выдающимися художниками и оставили бесценные сведения о том, как создавались массовые представления.

При Сталине интерес к празднествам, как и к их критике, резко сократился. В 1930-е годы в Москве еще проводились массовые мероприятия под открытым небом, но им недоставало спонтанности [Sartorti 1990; Stites 1990]. В годы Великой Отечественной войны и последующего восстановления массовые празднества ушли в прошлое. На протяжении 30 лет почти никто не писал о празднествах в период Гражданской войны, а те немногие, кто это делал, вместо реального анализа в основном занимались оправданием революционных излишеств⁶.

Интерес к этой теме возродился лишь во время оттепели в середине 1950-х годов. Умеренные реформы Н. С. Хрущева привели к необходимости разрабатывать новые формы политического просвещения, которые обеспечивали бы лояльность

⁵ См. также [Рюмин 1927; Цехновицер 1931]. О художественном оформлении см. [Гущин 1930; Гущин 1932; Массовые празднества 1927; Кузнецова и др. 1932].

⁶ Наиболее значительные работы: [Толстой 1953; Огнос 1946; Лебедев 1949; Щекотов 1938].

граждан без применения насилия. Пропагандисты взяли Октябрьскую революцию за образец, и вскоре вплоть до брежневской эпохи по стране вновь загревели празднества по подобию революционных. Ведущие режиссеры, такие как Г. А. Товстоногов, ставили массовые представления; Ленинградский государственный институт культуры имени Н. К. Крупской⁷ открыл программу подготовки специалистов культурно-массовой работы. Новые церемонии и ритуалы сопровождали проведение свадеб, призыв в армию, получение паспортов, одновременно возрождались старые праздники, например, празднование дня зимнего солнцестояния. Эти нововведения преследовали несколько целей. Они должны были укрепить поддержку советского социализма среди населения. Как отметил один из организаторов культурно-массовых мероприятий: *«Массовое праздничное шествие отражает единство и сплоченность советского народа вокруг Коммунистической партии и Советского правительства»* [Генкин 1975: 6]. В обществе росли религиозные настроения, поэтому считалось, что социалистические праздники послужат альтернативой завораживающей силе православного богослужения [Брудный 1968: 164–180]. В основе этих праздников также лежала тоска по искренней спонтанности революционных лет, которой так не хватало в советской действительности.

Возрождение празднеств дало новый импульс научным исследованиям в этой области. Были опубликованы сборники материалов⁸, мемуары современников революционных событий⁹, появилось большое количество критической и теоретической литературы по теме¹⁰. В России ведутся споры о предназначении

⁷ В настоящее время — Санкт-Петербургский государственный институт культуры. — *Примеч. ред.*

⁸ См. [Сперанская 1971; Бибикова, Левченко 1984; Айзенштадт 1983; Горяева 1987; Юфит 1968].

⁹ См. [Ходасевич 1979; Ходасевич 1967; Петров 1960; У истоков 1960; Виноградов-Мамонт 1972].

¹⁰ Напр., [Аксенов 1974; Брудный 1968; Чечетин 1976; Генкин 1975; Кампарс, Закович 1967; Массовые праздники и зрелища 1961; Мазаев 1978; Сеницын 1977; Айзенштадт 1973; Руднев 1979].

праздников и способах их проведения, при этом во всех дискуссиях на первый план выдвигается образовательная роль мероприятий, а не их непосредственная политическая составляющая. Во время празднеств люди осмыслиют и воспевают ценности общества способами, недоступными другим формам дискурса. Это непринужденное проявление гражданственности, смысл которой людям понятен интуитивно. Идеологическая ортодоксальность нередко побуждала исследователей преувеличивать спонтанность этих мероприятий и их влияние на политическое сознание, однако некоторые авторы, в частности А. И. Мазаев, предлагают куда более тонкие интерпретации. Мазаев выделяет уникальные черты праздничной культуры, подчеркивая полифункциональность праздников в различных обществах.

Западные ученые, особенно антропологи, подходили к изучению массовых празднеств с другой стороны — через интерес к культуре и анализ символизма. Тема празднеств оказалась крайне интересной для изучения, поскольку они наглядно демонстрируют, как система убеждений может побудить население на поддержание статус-кво или, напротив, на подрыв существующего социального порядка¹¹. Общественные празднества приобретают особое значение в эпоху революционных перемен, когда перед обществом стоит задача не только смотреть в будущее, но и преодолевать наследие прошлого. В исследованиях историков Великой французской революции — одного из примеров для подражания в русском сознании — можно найти яркие свидетельства того, как эгалитарная революционная культура, используя празднества и символы, вытесняла иерархические традиции старого порядка [Озуф 2003; Ozouf 1988; Agulhon 1981; Hunt 1984].

Ослабление тоталитарной модели социалистического государства и общества также изменило акценты в изучении России, сделав празднества актуальной темой. Пошатнулось представление о том, что советская система опиралась исключительно на

¹¹ См., напр., [Ben-David, Clark 1977; Wilentz 1985; Cannadine, Price 1987; Strong 1984]. См. также [Bakhtin 1968; Cox 1969; Hobsbawm, Ranger 1982; Babcock 1978].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru